

АЛЕКСЕЙ ПИСАРЕВ

МОСКОВСКИЕ СТРЕЛЫЦЫ

**ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

«ИЗ САМОПАЛОВ СТРЕЛЯТЬ ЛОВКИ»

Лучшие воины в истории

Алексей Писарев

**Московские стрельцы
первой половины XVII –
Начала XVIII века. «Из
самопалов стрелять ловки»**

«Яуза»

2021

УДК 94(47)"16/17"
ББК 63.3(2)46

Писарев А. Е.

Московские стрельцы первой половины XVII – Начала XVIII века. «Из самопалов стрелять ловки» / А. Е. Писарев — «Яуза», 2021 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-122744-9

«Из самопалов стрелять ловки» — так формулировалось одно из профессиональных требований к боеспособности московских стрельцов, включавшее в себя умение быстро и метко вести огонь. Несмотря на это, стрельцы от дореволюционных и советских историков надолго получили ярлык «отсталых», «утративших боеспособность» войск. «Отсталость» определялась принадлежностью стрелецкого корпуса к вооруженным силам «старой» России. Армия Петра I, наоборот, считалась «прогрессивной», «передовой» и «боеспособной». На самом же деле верность присяге, стойкость и умелая стрельба, бывшие отличительным признаком именно московских стрельцов, при царе-реформаторе стали обязательными для всей пехоты. Примерами стойкости и боевой выучки стрельцов являются многочисленные военные походы и внутренние конфликты той эпохи: оборона Могилева и Витебска, штурм Динабурга, осада Риги, оборона Киева, битва под Верками, штурм и осада Конотопа, битвы под Конотопом и под Полонкой, битвы на реках Бася и Суя, подавление Медного бунта и восстания Степана Разина, две обороны Чигирина, битва на Стрельниковой горе, Крымские и Азовские походы, битва под Нарвой, битвы при Эрестфере, Гуммельсгофе, под Салатами, при Якобшгадте, при Фрауштадте, под Клецкой, при Опошне, наконец, переломная Полтавская баталия. Автор на основе богатого архивного материала впервые исследует боеспособность московских стрельцов, их участие во всех основных сражениях второй половины XVII — начала XVIII в. Эта книга в деталях прослеживает развитие московского стрелецкого корпуса, чей поистине огромный боевой опыт стал достоянием всей русской пехоты эпохи Петра Великого. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)"16/17"

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-04-122744-9

© Писарев А. Е., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Введение	7
Степень разработанности проблемы	8
Дореволюционная историография	8
Советская историография	10
Современная историография	12
Цель и задачи исследования	14
Методология и методы исследования	15
Хронологические рамки	16
Источниковедческая основа	17
Глава 1	19
1. Морально-этические и профессиональные требования современников	21
1.1. Морально-этические требования	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Писарев
Московские стрельцы второй
половины XVII – начала XVIII века.
«Из самопалов стрелять ловки»

Моим родителям, моей дорогой жене Даше, моим учителям

© Писарев А.Е., 2021

© ООО «Издательство Эксмо», 2021

© ООО «Издательство Яуза», 2021

Введение

Московские стрельцы в работах специалистов дореволюционной и советской исторической науки практически всегда рассматривались в предвзятом сравнении с армией Петра I и получали ярлык «отсталых» войск, «утративших боеспособность». «Отсталость» определялась принадлежностью стрелецкого корпуса к вооруженным силам «старой» России. Армия Петра I считалась «прогрессивной», «передовой» и «боеспособной», потому что относилась к «новой», петровской России. В дореволюционной историографии сложилась традиция, закрепившаяся в дальнейшем и в трудах советских историков, рассматривать Россию XVII в. сквозь призму неоспоримых положительных оценок реформ Петра I. До Петра были дикость и невежество, после – цивилизация и просвещение.

Главной проблемой стрелецкой историографии до настоящего времени остается односторонняя и предвзятая «петровская» линия. Простая критика этой точки зрения не в силах изменить создавшееся положение, т. к. смена акцентов с отрицательных на положительные не только не поможет, но и создаст новые историографические трудности.

Петр I создал новое государство и вооруженные силы, т. к. старые органы управления, законы, социальная структура и войска традиционной России были способны побеждать, но не могли выполнить глобальную стратегическую задачу превращения России в передовую морскую державу. Без выхода к морям и создания военных и торговых флотов было невозможно дальнейшее развитие государства. Для достижения этих целей требовались системные изменения. Петр был вынужден претворять их в жизнь в условиях глубокого внутреннего социально-экономического кризиса, внешнего конфликта с сильнейшим государством Северной Европы и жесткого лимита времени. На полях сражений ведущую роль стали играть пехота и артиллерия. Царю требовалась максимально эффективная пехота при минимуме затрат на обучение и вооружение. При создании таких частей был максимально использован опыт и кадры московских стрельцов, но сами стрелецкие полки были заменены на солдатские. Поэтому критика или апологетика московских стрельцов не раскрывают всей глубины проблемы боеспособности московского стрелецкого корпуса как рода войск.

Решение проблемы видится: 1) в поиске значения и критериев термина «боеспособность», принятых в царской администрации во второй половине XVII – начале XVIII в. в отношении московских стрельцов, 2) в выяснении соответствия московских стрельцов указанным критериям боеспособности с помощью анализа участия стрельцов во всех основных сражениях второй половины XVII – начале XVIII в., 3) в необходимости проследить динамику развития московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII в.

Такая постановка рассматриваемой проблемы до настоящего времени не предпринималась и является актуальной.

Степень разработанности проблемы

Историография изучаемой проблемы хронологически делится на дооктябрьскую, советскую и современную.

Дореволюционная историография

До появления работы С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» историки не рассматривали вопросы, связанные со стрельцами. Так, книга В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен»¹ посвящена исключительно древней истории России. «История государства Российского» Н. М. Карамзина доведена автором до Смуты, вопросы истории России XVII в. не рассмотрены. Единственное упоминание стрельцов, снабженное негативной характеристикой, Н. М. Карамзин привел в своей «Записке о древней и новой России»: «Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напоминали России несчастные времена смут боярских...»². Карамзин не занимался историей стрелецкого войска. Своим замечанием историк положил начало сакрализации любых действий Петра I и огульной критике московских стрельцов.

Дальнейшее развитие эта «антистрелецкая» линия историографии получила в работе М. П. Погодина. Историк упомянул о стрельцах в статье о Петре I, в которой обосновывал необходимость реформ по образцу европейских стран, проводил аналогии с развитием древней Руси и норманнами: «Петр преобразовал войско: не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов? Я согласен, что в их истории есть несколько политических моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софьи и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники или преторианцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на их национальность...»³.

Погодин не задавался целью исследовать проблематику стрелецкой истории. Его статья является полемическим текстом – перечнем успехов Петра I, прославлением его достижений. Критика стрельцов подана весьма своеобразно. Фраза была построена так, что критика стрельцов кажется естественной, не вызывающей сомнений. Сравнения с опричниками, преторианцами и намек на янычар призваны были вызвать в сознании читателя или слушателя аналогии, доказывающие, что стрельцы – это варварское, анахроничное войско. Эти риторические формулы были приняты его последователями как абсолютная истина, не подлежащая сомнению. Погодинская точка зрения оказала большое влияние на исторические взгляды Соловьева.

Очерки И.Д. Беляева⁴ и Н.Г. Устрялова⁵ об общем состоянии и облике вооруженных сил России XVII в. рассказывают о стрельцах и прочих родах войск русской армии XVII в. Обе работы носят исключительно описательный характер. Источниковая база этих исследований не была широкой, т. к. авторы пользовались ранее опубликованными материалами Археографической комиссии. Такие темы исследований в середине XIX в. в российской исторической науке и не могли быть представлены иначе. Идеология господствующей «государственной

---

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен // Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 2–7.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России // О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 387.

³ Погодин М. П. Петр Первый и национальное органическое развитие // Русский вестник. 1863. Т. 46. № 7–8. С. 378.

⁴ Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Фёдоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

⁵ Устрялов И. Г. Русское войско до Петра Великого. СПб., 1856.

школы» предполагала такие вопросы, как история вооруженных сил и т. п., второстепенными, по сравнению с действиями конкретных исторических фигур, в частности Петра I.

Следует отметить фундаментальный труд А. В. Висковатова⁶, в котором автору удалось собрать и опубликовать сведения, касающиеся униформы и оружия русской армии периода X–XIX вв. Висковатов подробно рассмотрел стрелецкую униформу и знамена на материалах записок Котошихина, Пальмквиста, Мейерберга, Паерле и других, а также источников из фондов Оружейной палаты. А. В. Висковатов явился новатором в избранной им теме, поскольку ни один исследователь ранее не останавливался на вопросах стрелецкой униформы. На долгие годы работа Висковатова была признана образцовой.

Среди дореволюционных работ, посвященных проблемам Российского государства XVII в., связанных с вооруженными силами, следует особенно выделить труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен»⁷. Факты царствования первых Романовых рассматривались им сквозь призму сформулированного М.П. Погодиным догмата об абсолютной необходимости и непогрешимости петровских реформ. Соловьев не ставил перед собой цель изучить состояние вооруженных сил России середины – конца XVII в. История стрелецкого войска его интересовала только в рамках развития общей концепции кризиса в России, который был преодолен гением Петра I. Поэтому историк дал общую характеристику всех стрельцов: «Стрельцы, составлявшие гарнизоны по городам, исполнявшие полицейские обязанности, жили с семьями своими в особых слободах и в свободное от службы время занимались разными промыслами...»⁸. Для Соловьева не имела значения разница между всем стрелецким сословием и строевыми подразделениями – стрелецкими приказами, между городскими и московскими стрельцами и т. д. В рассказе о появлении полков «нового строя» Соловьев дал еще одну общую характеристику стрельцов: «Стрельцы – войско, отправлявшееся в походы в военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду в городах. Стрельцы жили отдельными слободами в городах, каждый своим домом, промышляли и торговали и вместе служили государеву службу. В одной Москве их было больше 20 приказов, в приказе от 800 до 1000 человек. Один из них был приказ выборный, стреманный (так у Соловьева, правильное название «Стремянной». — А.П.), потому что бывал всегда у царского стремени, оберегал государя и государыню во всех походах. Начальные люди у стрельцов – головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; в головы, полуголовы и сотники берут из дворян и детей боярских, в пятидесятники и десятники – из стрельцов. Стрельцам давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль...»⁹. Эти слова ученого – почти дословный пересказ очерка Г. К. Котошихина¹⁰. Уничжительная характеристика всего войска полностью отвечала концепции Соловьева о победе государственных начал над родовыми: «По единогласному свидетельству, московское войско гораздо лучше защищало города, чем сражалось в чистом поле...»¹¹. К сожалению, списка участников «единогласия» Соловьев не привел. Альтернативой стрельцам Соловьев считал полки «нового строя» и, в дальнейшем, армию Петра I. Историк сформировал негативную оценку стрельцов, следуя оценкам источников, например, «Дневнику» П. Гордона. При этом Соловьев не проводил исследование этого памятника, просто повторяя за автором-современником его выводы. Немаловажно, что единственным доступным историку вариантом «Дневника» был перевод Д. Е. Келлера, выполнен-

---

⁶ Висковатов А.В. Историческое описание вооружения и обмундирования Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. СПб., 1889. Ч. 1.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1991.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. С. 157.

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 238.

ный в 30-х гг. XIX в. в единственном экземпляре по указу Николая I¹². Келлер был чиновником Военного министерства, а не квалифицированным переводчиком и историком, вследствие чего эта работа не избежала многих неточностей и ошибок. Соловьев принял этот источник как данность.

Именно такой подход сформировал общую традицию негативных оценок стрельцов в российской историографии. Они признавались «отсталыми» только потому, что цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович создали полки «нового строя», а В. В. Голицын и Петр I провели военные реформы. Раз появилось новое, значит, старое было плохим.

Негативная оценка московских стрельцов во второй половине XIX в. стала канонической. Например, в обобщающей статье публициста Н. Родиславского¹³ стрельцы прямо названы «родом войск Азиатским», т. е. отсталым, в противовес передовой европейской армии Петра I.

В работе М.Д. Хмырова, члена Российского Военно-исторического общества, «антистрелецкая» линия получила дальнейшее развитие¹⁴. Хмыров рассматривал московских и городских стрельцов как единую социальную группу. Историк не делал различий между стрелецким сословием и личным составом стрелецких приказов (позднее – полков). Хмыров считал стрельцов боеспособными, но склонными к бунту и уступающими солдатам «нового строя» по всем параметрам. Похожая точка зрения содержится в работе П. К. Гудим-Левковича¹⁵ и П. О. Бобровского¹⁶, видных представителей военно-исторической школы русской дооктябрьской историографии.

А. К. Баиов в первом выпуске своего многотомного труда «Курс истории русского военного искусства»¹⁷, посвященного русскому войску XVII в., не вышел за рамки уже сложившейся «антистрелецкой» традиции, но обнаружил несоответствие фактов установившимся негативным оценкам. Исследователь обратил внимание на увеличение количества стрельцов к концу XVII в. и на сходство стрельцов и солдат: «Увеличение числа стрельцов было вполне естественно, т. к. они во всех отношениях близко подходили к войскам нового типа, а между тем постоянная почти борьба с западными государствами, обладающими многочисленной пехотой, требовала и в русских войсках иметь пехоты возможно больше...»¹⁸. Утверждение о «многочисленной пехоте» западных государств, с которыми воевала Россия в XVII в., справедливо лишь в отношении Швеции, но во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. не было ни одного крупного полевого сражения с массовым участием пехоты. Найти другое объяснение обнаруженному несоответствию «антистрелецкой» традиции и факту увеличения численности стрельцов Баиов не смог, т. к. сам работал в рамках указанной историографической линии.

Советская историография

В советский период точка зрения, признающая безусловную положительную оценку петровских реформ, была принята и получила дальнейшее развитие. Соответственно, была принята негативная оценка московских стрельцов. При этом в советской историографии, в отличие от дооктябрьской, московские стрельцы рассматривались как в комплексе проблем русского войска XVII в., так и становились предметом отдельного изучения. Среди работ советских историков, посвященных эти вопросам, следует выделить труды А. В. Чернова, П. П. Епифанова, С. Л. Марголина, М.Д. Рабиновича.

¹² Федосов Д. Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2002. С. 261–262.

¹³ Родиславский Н. Стрельцы // Москвитянин. 1850. № 1. С. 168–189.

¹⁴ Хмыров М.Д. Стрельцы и первый стрелецкий бунт с раскольниковым мятежом // Северное сияние. 1863. Т. 2. № 3. С. 146.

¹⁵ Гудим-Левкович П. К. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года. СПб., 1875.

¹⁶ Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882.

¹⁷ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1. От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909.

¹⁸ Там же. С. 132.

В 1954 г. вышла работа А. В. Чернова¹⁹, содержащая ретроспективный анализ развития вооруженных сил России с XV до конца XVII вв. Историк уделил московским стрельцам значительное внимание в своей работе, проследив их развитие от возникновения в 1550 г. до 1680-82 гг. Книга Чернова явилась значимой вехой в военной истории России XVII в., т. к. была первым и на долгое время единственным советским исследованием такого уровня и масштаба. Применительно к последней трети XVII в. Чернов писал о московских стрельцах: «Изменения иного характера произошли со стрельцами... Рост стрелецкого войска шел за счет московских стрельцов, число которых возросло с 8000 человек в 1637 г. до 22 500 человек в 1681 г. В походах участвовало 5-10 % всех стрельцов, которые составляли от 4 до 12 % общей численности войска. Значит, рост стрельцов не вызывался внешними потребностями государства...»²⁰. Чернов полагал, что полки «нового строя» были новыми, а значит – лучшими, по сравнению с частями «старого строя», но никак не отразил критерии «устарелости», согласно которым стрелецкие приказы якобы потеряли свое значение по сравнению с солдатами «нового строя». Историк обосновывал тезис, согласно которому появление регулярной армии в России не являлось результатом спонтанного решения Петра. Началом «регулярства» Чернов считал как раз полки «нового строя».

Работа Чернова стала своего рода универсальной энциклопедией русской военной истории XVII в. Все вопросы, поднимавшиеся в этой области исторического знания, так или иначе не выходили за рамки концепции Чернова. Историки, разрабатывавшие невоенную проблематику, использовали работу Чернова как справочник с окончательно установленными истинами.

П.П. Епифанов²¹ исследовал «Учение хитрости ратного строения пехотных людей» – один из старейших российских боевых уставов. В своей трактовке проблем, связанных со стрелецким войском, он повторил написанное Черновым и его предшественниками.

Работы С. Л. Марголина²² и М.Д. Рабиновича²³ представляют особенный интерес. Необходимо отметить, что оба автора совершили первую попытку выхода за рамки «антистрелецкой» линии в историографии. Марголин рассматривал стрелецкое войско отдельно, не смешивая его, как Чернов, с другими родами войск, и привлекал не только традиционные источники, но и новый актовый материал.

Рабинович пытался установить некоторые пути преемственности армии царя Алексея Михайловича и армии Петра I по линии московских стрельцов. К сожалению, ни С.Л. Марголин, ни М.Д. Рабинович не создали больших работ по истории русского войска XVII – нач. XVIII в.

Отдельное место в историографии московских стрельцов занимают работы В. И. Буганова²⁴, исследовавшего социальные конфликты второй половины XVII в. Московские стрельцы участвовали в подавлении Медного бунта 1662 г., являлись прямыми участниками восстаний 1682 г. и 1698 г. Буганов рассматривал московских стрельцов и как часть стрелецкого сословия, и как отдельную внутрисословную корпорацию.

Заметную роль в утверждении негативной оценки московских стрельцов сыграли труды Н. И. Павленко о Петре I, в которых автор давал лишь беглую характеристику стрелецкого войска: «В последней трети XVII в. стрелецкое войско по своему устройству, обучению, вооружению, а также укладу жизни являло собой анахронизм. Стрелецкие полки размещались семьями

¹⁹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954.

²⁰ Там же. С. 91.

²¹ Епифанов П. П. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки Моск. ун-та. М.: МГУ, 1954. Вып. 167. С. 77–89.

²² Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Мос. обл. ин-т. Учен. зап. труды каф. Истории России. Вып. 2. М., 1953; Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска. М., 1949.

²³ Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1954. Т. 58. С. 283–301.

²⁴ Буганов В. И. Московское восстание в 1662 г. М., 1964; Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

в стрелецких слободах Москвы. Они комплектовались из детей стрельцов, свободных от тягла родственников посадских и вообще из незакрепощенных людей. Служба была пожизненной, а получаемое от казны жалованье – скудным... Стрелецкое войско отличалось низкой боеспособностью. Привязанные к своим торгам, промыслам и к семейному очагу, стрельцы крайне неохотно покидали столицу и выражали недовольство, если отлучки были продолжительными. Главная обязанность стрелецких полков – их в столице насчитывалось 20 – состояла в несении полицейских обязанностей: они обеспечивали порядок, выполняли карательную службу. Два стрелецких полка находились на особом режиме и пользовались особыми привилегиями – сопровождали царя в поездках в монастыри, участвовали во всякого рода церемониях...»²⁵. Характеристика дана без каких-либо ссылок на источники. Налицо ряд терминологических обобщений, например, Н. И. Павленко ставил знак равенства между всем стрелецким войском и корпусом московских стрельцов, не делал различий между личным составом стрелецких подразделений и собственно стрелецким сословием. Московские стрельцы названы «анахронизмом», но внятных обоснований такой оценки не приведено, и нет обоснования тезиса о «низкой боеспособности». Главной обязанностью стрельцов декларативно названы «полицейские и карательные» функции. При отсутствии ссылок можно только предполагать, на какие источники опирался историк. В характеристике замечен пересказ записок Г. К. Котошихина с опорой на некоторые актовые материалы. Обращает на себя внимание сильное историографическое влияние С.М. Соловьева и А. В. Чернова, в частности, повторение соловьевского тезиса о «полицейских функциях». Павленко фактически дублировал выводы Соловьева и Чернова, не проводя никакой проверки эмпирических данных.

Современная историография

В советской исторической науке вопросы, связанные с московскими стрельцами, после работ Чернова, Марголина и Рабиновича считались в целом решенными. Отказ от идеологии и введение в научный оборот множества ранее неизвестных источников позволили современным исследователям начать работу по ревизии историографических штампов.

Книга В. В. Волкова «Войны и войска Московского государства XV–XVII вв.»²⁶ представила новый взгляд на развитие вооруженных сил России. По мнению историка, Россия в 40-е гг. XVII в. начала балансировать между эффективными и дорогими родами войск и массовыми, более дешевыми. В результате получилась цепь компромиссов, как, например, в случае с эффективными и надежными, но экономически дорогими и невыгодными московскими стрельцами и дешевыми для казны, но средне обученными и слабо мотивированными солдатскими полками. Волков не отказывал московским стрельцам в признании их боеспособности, считал их неотъемлемой частью вооруженных сил России.

Книга А. В. Малова²⁷, посвященная Выборным солдатским полкам «нового строя», затронула вопросы социального положения московских стрельцов, т. к. стрельцы и Выборные солдаты вместе составляли элиту русской пехоты второй половины XVII в. Историк поднял вопрос «служилого платья» – униформы стрельцов и Выборных солдат, а также коснулся проблемы регулярной армии в допетровской России.

И. Б. Бабулин посвятил боевому пути московского стрелецкого приказа В. Пушечникова отдельную статью²⁸, в которой прослеживал участие стрелецкого приказа в сражениях Тринадцатилетней, русско-шведской, русско-турецкой войн и подавлении восстания Степана Разина.

---

²⁵ Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 4.

²⁶ Волков В.В. Войны и войска Московского государства XV–XVII вв. М., 2004.

²⁷ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006.

²⁸ Бабулин И.Б. Московские стрельцы: боевой путь приказа Василия Пушечникова // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 10–13.

Исследователь декларировал элитный статус московских стрельцов, переключаясь с работой Малова.

М.Ю. Романов попытался создать общий очерк истории московских стрельцов от момента формирования первых приказов в 1550 г. до последнего стрелецкого бунта 1698 г.²⁹ Большое внимание Романов уделил деятельности Стрелецкого приказа как административного органа, а также топографии московских стрелецких слобод. К сожалению, автор повторил почти весь набор стереотипов «петровской» историографии, сосредоточил свое внимание на участии стрельцов в политических интригах в конце XVII в., оставив в стороне вопросы подробного изучения участия стрельцов в боевых действиях. Также немаловажно, что Романов не задействовал в своем исследовании архивные материалы.

Сравнительный анализ развития вооруженных сил России, Западной и Восточной Европы XVII в. дал в своей книге В. В. Пенской³⁰, который, как и Баиов, обнаружил расхождение между фактами, свидетельствующими о высокой боеспособности стрельцов, и сложившейся «антистрелецкой» историографией. Пенской, вслед за Соловьевым, Баиовым и Черновым, повторил тезисы об «устарелости» московских стрельцов. Историк рассматривал стрельцов обобщенно, как единое сословие, не выделяя московский корпус. Следует отметить, что Пенской основывал свою работу на обобщающих трудах европейских историков. Аналогичных работ по истории русского войска, в т. ч. и московских стрельцов, до настоящего времени нет, кроме книг Хмырова, Баиова, Гудим-Левковича, Бобровского и Чернова. Опора на устаревшие данные этих историков обусловили точку зрения Пенского.

Статья Р. Паласиос-Фернандеса представляет собой общий очерк об организации, вооружении и обмундировании московских стрельцов, и для своего времени являлась событием в стрелецкой историографии, т. к. до Р. Паласиос-Фернандеса советские исследователи к вопросам истории военной формы допетровской Руси практически не обращались³¹. Тема стрелецкой униформы получила развитие в работе С. Летина³². Несомненным достоинством и заслугой автора стало введение в широкий научный оборот данных «Белокуровского списка» и материалов «Записной книжки военного человека».

Вопросы, связанные со стрелецкой униформой, стали основой для нескольких исследований, научно-практических опытов и темой двух научных конференций в ГИМ, созданных в рамках деятельности семинара «Реконструкции культурного наследия». Такой интерес к униформологическим аспектам проблемы московских стрельцов продемонстрировал, что многие спорные вопросы и «белые пятна» в военной истории России XVII в. до настоящего времени не исследованы. Специалисты не зря проявляют осторожность, ведь необходимость ревизии старых историографических штампов уже очевидна, однако простая смена знаков, как указывалось выше, бессмысленна.

---

²⁹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: ГПИБ, 2004; Романов М.Ю. Москва стрелецкая. М.: Москвоведение, 2012.

³⁰ Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, 2010.

³¹ Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы XVII в. Непременные войска русского государства // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 8–15.

³² Летин С. XVII столетие. Стрелец // Империя истории. 2002. № 2. С. 15.

Цель и задачи исследования

Цель – изучение динамики изменений боеспособности московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII в.

Задачи исследования:

1) определить значение и критерии термина «боеспособность» с точки зрения российской государственной власти второй половины XVII – начала XVIII в.;

2) установить социальный статус московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII в.; выявить аспекты их индивидуальной и групповой профессиональной подготовки на предмет соответствия критериям боеспособности;

3) рассмотреть факты участия московского стрелецкого корпуса во внешних и внутренних военных конфликтах второй половины XVII – начала XVIII в. на предмет соответствия московских стрельцов выявленным критериям боеспособности; выявить динамику изменений критериев боеспособности;

4) рассмотреть динамику развития московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII в.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что это специализированное исследование по проблеме боеспособности московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII в. Ранее такие исследования не проводились. Критерии боеспособности армий задаются тактическими и стратегическими задачами, которые стоят перед государством в конкретную историческую эпоху, и определяются по фактам, подтверждающим способность армии соответствовать этим критериям. Выявление таких критериев возможно только через источники. При этом крайне важно рассматривать свидетельства современников, имеющие непосредственное отношение к временным рамкам изучаемой эпохи. Люди, жившие на десятилетие позже или раньше, воспринимали исторические события через свое актуальное время. Дореволюционным и советским исследователям критерием боеспособности стрельцов чаще всего служил факт реформ Петра I. Такой критерий вряд ли можно признать достаточным.

Методология и методы исследования

Исследование ориентировано на методологию источниковедения культуры.

В работе использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-типологический и историко-системный методы исторического исследования, с помощью которых осуществлен источниковедческий анализ исторических и историографических источников.

Необходимо отметить использование метода комплексной исторической реконструкции, позволившего воссоздать технику стрельбы, стрелецкую униформу и вооружение и т. д.

Хронологические рамки

Хронологические рамки исследования охватывают период 1655–1709/1713 гг. и могут быть условно разделены на следующие временные отрезки: 1) 1655–1661 гг. как время активного участия московских стрельцов в сражениях Тринадцатилетней и русско-шведской войн; 2) 70-е гг. как время, когда преобразования, происходившие в корпусе московских стрельцов в течение царствования Алексея Михайловича, в основном завершились, корпус находился на пике своей боеспособности, а также время участия стрельцов в подавлении восстания Степана Разина и русско-турецкой войне 1672–1681 гг.; 3) 80-е гг., время политического кризиса, к которому стрельцы имели непосредственное отношение; 4) 90-е гг. XVII в. – 1709/1713 гг. как время участия стрельцов в Северной войне и системной реформе русской армии.

Нижняя граница исследования, 1655 г., обусловлена фактом полного переформирования московского стрелецкого корпуса после потерь в кампании 1654 г. и эпидемии чумы. Именно в 1655 г. в московские стрельцы было поверстано большое количество городских стрельцов, в связи с чем московский корпус перестал быть замкнутой внутрисословной кастой. Верхняя граница, 1709/1713 г., обусловлена участием полков, сформированных из бывших московских стрельцов в ключевом сражении Северной войны 1700–1721 гг. – Полтавской битве 1709 г. и фактами последних упоминаний о стрелецких полках в составе русской армии в 1713 г.

Источниковедческая основа

Работа опирается на широкий круг источников, которые можно разделить на две группы: письменных и вещественных. Среди письменных источников использованы как опубликованные, так и неопубликованные из фондов РГАДА. Большинство архивных источников вводится в научный оборот впервые.

Одну из наиболее информативных Источниковых групп составляют документы фонда «Приказ Тайных дел», содержащие информацию об организации московского стрелецкого корпуса, порядке несения боевой и гарнизонной службы, обеспечении жалованьем и т. д. До конца 70-х гг. XVII в. московские стрелецкие приказы находились под юрисдикцией непосредственно Приказа Тайных дел – личной канцелярии царя Алексея Михайловича. Многие вопросы, связанные с различными аспектами службы московских стрельцов, контролировались и решались лично царем³³.

Важную информацию о стрелецких командных чинах, переброске стрелецких приказов на различные участки театра военных действий и отводе на отдых, различных видах жалованья содержат материалы фонда «Разрядный приказ», вобравшего в себя архив главного военного ведомства России XVII в.³⁴

Особую группу источников составляют документы фонда «Малороссийский приказ», среди которых – письма воевод, гетманов Украины, отписки стрелецких голов, документы о снабжении московских стрелецких приказов боеприпасами и кормовым жалованьем, указы, регулирующие порядок «годовой службы» на Украине московских стрельцов³⁵.

Источники, извлеченные из фонда «Приказ Оружейной палаты» – записные памяти, отписки, челобитные – дают информацию об источниках комплектования, условиях повышения по службе, наградах, взаимоотношениях и обязанностях стрелецких чинов, сведения о внеслужбной деятельности московских стрельцов, связанной с хозяйственными занятиями: торговлей, ремеслом, промыслами³⁶.

Большую ценность для работы представляют: 1) памятник русского законодательства XVII в. «Соборное Уложение» 1649 г.³⁷ Как основной правовой кодекс Московского государства «Соборное Уложение» отразило самые различные аспекты социального статуса московских стрельцов; 2) сборники документов «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»³⁸ и «Акты Московского государства»³⁹, издававшиеся в середине – втор. пол. XIX в. Содержание этих сборников составили документы, не вошедшие в архивные фонды и обнаруженные сотрудниками Археографической комиссии. Многие из актов напрямую относятся к истории московского стрелецкого корпуса; 3) сборник документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина»⁴⁰. В сборник вошли документы, содержащие информацию о ротации московских стрелецких приказов, о контрпартизанских операциях и полевых сражениях с повстанцами, о моральном облике, стойкости и дисциплине

---

³³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18, 81, 86, 102, 439, 350, 338, 364, 477.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 23; Оп. 20, Д. 171; Оп. 24, Д. 170, 189, 207, 208, 235, 432, 474.

³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 60, 70, 110, 111.

³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3590, 4182, 4125, 4246, 4224, 4394, 4562, 4657, 4681, 4971, 4313, 4737.

³⁷ Тихомиров М.Н. Соборное Уложение. М.: МГУ, 1961.

³⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–42. Т. 4.

³⁹ Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук под ред. Д.Я. Самоквасова. Т. 3. Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб, 1901.

⁴⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб-ник док-тов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1–2.

стрельцов; 4) сборник документов «Восстание в Москве 1682 года»⁴¹. Документы этого сборника позволяют установить причины, побудившие московских стрельцов к участию в политическом противостоянии Нарышкиных и Милославских;

5) сборник документов «Восстание московских стрельцов. 1698 год»⁴², в который вошли материалы следственного дела, позволяет сделать выводы о причинах, характере и масштабе последнего стрелецкого бунта.

Из опубликованных источников следует выделить записки современников – русских и иностранцев: Г. К. Котошихина⁴³, «Дневник» П. Гордона⁴⁴, а также старинные уставы русских войск, в том числе и переведенный Анисимом Михайловым «Устав ратных, пушечных и иных дел, до воинской науки относящихся»⁴⁵ и устав «Учение хитрости ратного строения пехотных людей»⁴⁶.

Очерк Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» представляет собой отчет русского перебежчика, выполненный по заказу шведского правительства и содержит подробное описание государственной структуры России второй половины XVII в. Источник неоднократно публиковался, но подробное археографическое исследование текста было предпринято только в 2000 г. Г. А. Леонтьевой⁴⁷.

«Дневник» П. Гордона впервые был издан в России в виде перевода с немецкой копии английского оригинала⁴⁸, долгое время переиздавался и цитировался по этому изданию. В 2000 г. Д.Г. Федосов осуществил подробный перевод английского оригинала на русский язык и впервые издал весь «Дневник» полностью⁴⁹, исправив ошибки и неточности прежнего перевода.

«Устав...» Онисима Михайлова и «Учение хитрости ратного строения пехотных людей» являются сборниками переводов различных европейских полевых уставов нач. – середины XVII в.⁵⁰ Единственным исследователем этих памятников был П. П. Епифанов⁵¹.

Вторую группу источников составляют вещественные источники из фондов ГИМ, музея-заповедника «Коломенское», музея «Палаты бояр Романовых в Зарядье»: предметы вооружения и снаряжения московских стрельцов, приказные, сотенные и десятские знамена и значки.

---

⁴¹ Восстание в Москве 1682 года. Сб-ник док-тов. М.: Наука, 1976.

⁴² Восстание московских стрельцов. 1698 год. Сб-ник док-тов. М.: Наука, 1980.

⁴³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000.

⁴⁴ Гордон П. Дневник 1677–1678. М.: Наука, 2005.

⁴⁵ Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. М., 1607.

⁴⁶ Учение хитрости ратного строения пехотных людей. М., 1647.

⁴⁷ Леонтьева Г.А. Предисловие к изданию, комментарии // Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5; с. 195–239.

⁴⁸ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892.

⁴⁹ Гордон П. Дневник 1635–1659. М.: Наука, 2000; Гордон П. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2002; Гордон П. Дневник 1677–1678. М.: Наука, 2005; Гордон П. Дневник 1684–1689. М.: Наука, 2009; Гордон П. Дневник 1690–1695. М.: Наука, 2014.

⁵⁰ Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. М., 1607; Учение хитрости ратного строения пехотных людей. М., 1647.

⁵¹ Епифанов П.П. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (из истории русской армии XVII в.).

Глава 1

Проблема боеспособности московских стрельцов

Историографическая традиция рассматривала московских стрельцов в сравнении с солдатами «нового строя» и отдавала предпочтение именно солдатам. Стрельцам традиционно приписывалась «низкая боеспособность», но никаких критериев боеспособности не предлагалось, и сам термин никак не раскрывался. Из всех исследователей русского войска XVII в. только А. В. Чернов объяснил термин «боеспособность».

Историк считал, что «основное преимущество полков нового строя... состояло в их лучшей боеспособности»⁵². По его мнению, «полки нового строя явились новой, более совершенной организацией вооруженных сил Русского государства»⁵³. Критерии, по которым была определена «лучшая боеспособность» солдат, и в чем именно заключалась «более совершенная организация», историк сформулировал через соответствие положения солдат определению термина «регулярная армия»: «Преимущества полков нового строя перед старой войсковой организацией состояли в том, что эти полки составляли постоянную вооруженную силу, имели постоянное военное устройство. Ратные люди этих полков проходили систематическое военное обучение и состояли на полном содержании государства. Следовательно, полки нового строя являлись регулярным войском»⁵⁴. Московские стрельцы, с точки зрения историка, являлись всего лишь наиболее приближенной к царю разновидностью городских стрельцов. Солдаты и стрельцы, по мнению Чернова, имели разную специализацию: «Солдаты предназначались для отражения внешней военной опасности, в том числе и для пограничной службы, стрельцы – для внутренней охраны государства»⁵⁵, «Рейтары, солдаты и др. набирались для полковой службы, стрельцы – для городской и полицейской службы»⁵⁶.

Чернов рассматривал московских стрельцов, не разделяя собственно приказы, т. е. боевые части, от московской стрелецкой сословной корпорации, и допускал при этом очень сильные обобщения: «Стрелецкое войско не было однородным по своему составу. Занятия торговлей и промыслами приводили к значительному имущественному неравенству среди стрельцов. Наиболее богатая часть стрельцов срачивалась с верхушкой посадского населения и превращалась в опору правительства. Одновременно значительная часть стрельцов жила «государевым» жалованьем или пахала землю, для них мелкая торговля или ремесло являлись приработком...»⁵⁷. На основе точки зрения Чернова Н. И. Павленко утверждал, что «стрелецкое войско отличалось низкой боеспособностью. Привязанные к своим торгам, промыслам и к семейному очагу, стрельцы крайне неохотно покидали столицу и выражали недовольство, если отлучки были продолжительными. Главная обязанность стрелецких полков – их в столице насчитывалось 20 – состояла в несении полицейских обязанностей: они обеспечивали порядок, выполняли карательную службу...»⁵⁸.

Термин «боеспособность/боеспособный» лингвисты раскрывают как «готовность войск к ведению боевых действий, способность выполнять боевые задачи» или как «пригодный, подготовленный к ведению боя»⁵⁹. Готовность к ведению боевых действий и способность выпол-

---

⁵² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С. 77.

⁵³ Там же. С. 87.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 92.

⁵⁶ Там же. С. 95.

⁵⁷ Там же. С. 92.

⁵⁸ Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 4.

⁵⁹ Ожегов С. И. Словарь Русского языка. М.: Русский язык, 1992. С. 59.

нять боевые задачи, согласно Чернову, находятся в прямой зависимости от таких критериев «регулярства», как: 1) «постоянное военное устройство», 2) «систематическое военное обучение», 3) «полное содержание за счет государства». Если подразделение соответствует всем трем критериям, то оно считается боеспособной частью регулярной армии. Указанные критерии «регулярства» и боеспособности предложены Черновым через призму военных реалий XVIII в. и под влиянием «антистрелецкой» историографии. Критерии боеспособности московских стрельцов, предложенные Черновым, основаны на фактах появления полков «нового строя» и участия стрельцов в политических конфликтах конца XVII в. Однобокость этой концепции очевидна. Можно доказать с помощью простого подбора фактов, что московские стрельцы полностью соответствовали предложенным

Черновым критериям и являлись боеспособными частями регулярной армии, т. к. московские приказы имели постоянное военное устройство задолго до солдат «нового строя», проходили систематическое военное обучение и находились на полном содержании государства, получая жалованье.

Для определения боеспособности московских стрелецких приказов во второй половине XVII – начале XVIII в. необходимо выявить, какие требования к боеспособности московских стрельцов существовали и предъявлялись со стороны современников, особенно царя и командования, найти и проанализировать факты индивидуальной и групповой регулярной профессиональной подготовки московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII в., рассмотреть специфику обеспечения, комплектования и социальной защиты московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII в. и установить, правомерно ли считать обнаруженные требования именно критериями боеспособности московских стрельцов.

1. Морально-этические и профессиональные требования современников

Требования, выдвигавшиеся современниками, прежде всего царем и его администрацией, к московским стрельцам, можно разделить на морально-этические и профессиональные. Информация о таких требованиях содержится в «наказах» и «наказных памятях» стрелецким офицерам – головам и сотникам, письмах царя Алексея Михайловича, воеводских «описках» и «расспросных речах» – официальных отчетах о битвах, победах и поражениях, народной публицистике и ряде других письменных источников.

1.1. Морально-этические требования

Морально-этические требования представляли собой следующий перечень:

а) Безусловная верность присяге вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств: «а новоприборных стрелцов приводить к вере в соборной церкви...»⁶⁰. Это требование подразумевало верность присяге и царю, т. к. измена царю и нарушение присяги означало клятвопреступление по канонам православной веры. От московских стрельцов требовалась безусловная, слепая верность. Это требование сложилось под влиянием внутривластных конфликтов в России XVII в.: городских восстаний, крестьянских бунтов и т. д., а также в условиях неодинаковой боеспособности и стойкости русской пехоты на полях сражений.

Например, во время Медного бунта 1662 г. московские стрельцы стали ударной силой в борьбе с восставшими. 25 июня 1662 г. события развивались стремительно и, как можно предполагать, во многом неожиданно. Толпа мятежников, разгромив дома бояр и купцов – разработчиков монетной реформы и советников царя, двинулась в Коломенское, где находился Алексей Михайлович с семьей. Телохранители царя и стрельцы Стремянного приказа в это время готовились оборонять семью царя в коломенском дворце. В Коломенское были стянуты практически все военные силы, которые удалось собрать, – несколько стрелецких приказов, солдатских и рейтарских полков. Патрик Гордон отмечал, что стрелецкие приказы, поднятые по тревоге и явившиеся к царю, не насчитывали штатной численности: «полки чрезвычайно слабого состава»⁶¹. К. В. Базилевич и В. И. Буганов объясняли неактивность стрельцов ранним часом восстания и плохой информированностью⁶². С первым утверждением трудно согласиться, московские стрельцы были профессиональными военными. В плохую осведомленность стрельцов относительно происходившего в Москве также трудно поверить, т. к. они были жителями этого города и не могли не знать о растущей напряженности. Приказы, не явившиеся в Коломенское, занимались подавлением восстания в самой Москве.

Когда восставшие возвратились в царскую усадьбу, то попали в засаду – стрельцы и солдаты с одной стороны, а рейтары с другой зажали бунтовщиков в «клещи». Алексей Михайлович хорошо рассчитал боевые порядки своих сил – безоговорочно верные ему стрельцы шли в бой первыми, а солдаты, которые к тому же сочувствовали восставшим (среди которых было много их братьев по оружию – солдат из полка Аггея Шепелева), находились в резерве, где могли не рисковать собой.

---

⁶⁰ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1855. Т. 5. С. 79–82.

⁶¹ Гордон П. Дневник генерала Гордона. М., 1892. С. 235.

⁶² Базилевич К. В. Денежная реформа царя Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. С. 98; Буганов В. И. Московское восстание в 1662 г. С. 68.

«Солдат гвардии или стрелец» – изображение московского стрельца из альбома иллюстраций к запискам австрийского посла Августина фон Мейерберга. (Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 408–409.) Полный лист.

Не меньшую верность присяге московские стрельцы продемонстрировали во время крестьянской войны под руководством Степана Разина 1670-71 гг. Попавшие в плен к разницам после гибели сводного приказа головы В. Лопатина под Царицыным в 1671 г. многие московские стрельцы бежали из-под стражи. Часть беглецов погибла – их уничтожила погоня: «Да тот же вор Стенька привез с собою в гребцах камышенского воеводу Юфима Панова. И он де, Юфим, в Синбирску подговорил с собою 30 человек московских стрельцов и с ними из Синбирска убежал. И ево, де, Юфима и стрельцов, догнав в Карсуни, Стенькины посыльщики порубили всех насмерть...»⁶³, но некоторым удалось достичь съезжей избы Белгородского разряда и рассказать о трагедии, случившейся с приказом И. Лопатина: «...их, стрельцов, велел он, Стенька, посадить в воду, и называл де, их стрелцов... мясниками: уже де нам от тех мясников, от московских стрельцов, житья не стало. А которые де московские стрельцы от ран и от иных болезней на Царицыне помирали, и их де у церкви божией не хоронили по ево Стенькину и попа Ондрею приказу и исповедовать де тех больных людей при смерти не велели. И у многих де людей он, вор Стенька, у стрельцов и у ярыжек и которых людей оставляет у себя поневоле велит бороды брить догола...»⁶⁴. Обращает на себя внимание унижение, которому разницы подвергли пленных стрельцов и ярыжек: «бороды брить догола». С точки зрения обычаев, религиозных и моральных норм России XVII в. «голая борода» или, как выразился протопоп Аввакум, «скобленный образ», были свидетельством нетрадиционной сексуальной ориентации либо, что еще хуже, отступничества от православной веры. После подробного расспроса беглецы были отправлены в Москву, где вернулись в состав своих прежних подразделений. Это было возможно, т. к. стрельцы выполнили главное условие своей присяги – продемонстрировали верность даже при угрозе смерти и бесчестия. И это не единственный пример верности московских стрельцов присяге⁶⁵. Ранее, при штурме разницами Царицына, московские стрельцы до последнего оборонялись вместе с воеводой в одной из башен и предпочли смерть в бою позору плена. Когда восставшие ворвались в Астрахань, благодаря поддержке населения города, два московских стрелецких приказа, составлявшие часть гарнизона крепости, не сложили оружия и продолжали активно сопротивляться разницам, хотя шансов выжить у московских стрельцов не было никаких: «...астраханские служилые и всяких чинов люди город... и головы московских стрельцов Дмитрей Полуэхтов да Алексей Соловцов и московские стрельцы их приказов и астраханские служилые домовые люди, памятуя господа бога и христианскую веру и государево крестное целование, в том ему отказали...»⁶⁶. Оба подразделения были уничтожены казаками до последнего человека и никогда не были сформированы снова. Погибшие при побеге и умершие в плену московские стрельцы, также не изменившие присяге и не перешедшие на сторону разинцев, получили посмертную награду⁶⁷, их семьи получили возможность ежемесячно получать кормовое жалованье из казны. Таким образом, под верностью присяге – крестному целованию – понималась непоколебимая верность долгу, невзирая на превратности судьбы.

От московских стрельцов часто требовалось выполнение задач, стоящих на грани морально-этических норм и закона. Подобные задачи требовали большой выдержки и дисциплины. Без безусловной верности царю и присяге выполнение таких приказов было бы невозможным. Например, в 1654 г. патриарх Никон распорядился собрать по Москве иконы «по образцу картин франкских и польских», выколоть иконам глаза и носить их по городу. Носить

---

⁶³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 68–69.

⁶⁴ Там же. С. 30.

⁶⁵ Там же. С. 92–93.

⁶⁶ Там же. С. 37.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 24. Д. 201. Л. 1.

иконы должны были московские стрельцы⁶⁸. В 1657 г. под Валуями крымскими татарами был убит русский переводчик Г. Бельский. В качестве ответной акции наряд московских стрельцов был отправлен на Крымское подворье для взятия крымского посла под стражу. Посол Мухаммед-имелдеш со свитой оказал сопротивление, столкновение вылилось в штурм стрельцами резиденции посла, в ходе которого Мухаммед-имелдеш погиб⁶⁹. Именно московским стрельцам поручалась охрана иностранных посольств. При этом послы и члены их свиты часто переступали правила проживания на своем подворье, что неминуемо вело к конфликтам с охраной. Случалось, стрельцы получали ранения и даже гибли во время драк, спровоцированных иностранцами: «В 1663 г. стрельцам, стоящим на карауле у Серпуховских ворот, пришлось вступить в схватку с группой немцев, отбивших лошадь у одного холопа. При задержании немцы пустили в ход шпаги и попытались скрыться. Дело дошло до стрельбы...»⁷⁰. В 1678 г. стрелецкий караул подвергся нападению свиты английского посланника, причем один стрелец был убит⁷¹. От стрельцов требовалась большая выдержка, т. к. неосторожное действие по отношению к членам посольства могло спровоцировать серьезный международный скандал.

б) Стойкость на поле боя при любом варианте развития событий. В 1660 г. в битве под Полонкой (Ляховичами) русское войско потерпело поражение. Конные дворянские сотни и рейтарские эскадроны отступили, пехота – московские стрельцы и солдаты «нового строя» – была окружена польскими отрядами: «Поляки боярина нашего и воеводу князь Ивана Андреевича Хованского за его беспутную дерзость, что он кинулся с двумя тысячами конных да с тремя приказами московскими противу двадцати тысяч и шел не строем, не успели и отыкатца, а конные выдали – побежали, а пеших лутчих людей побили з две тысячи человек, а конных малая часть побита, да Михайло Ознобишина (московского стрелецкого голову. —А.П.) убили ж...»⁷². Несмотря на отступление русской конницы с поля боя, приказы московских стрельцов долго отбивались от польской конницы за импровизированной засекой из поваленных деревьев: «Лишь пехота, в кучу сбившись, отступила в порядке на добрых полмили и в березняке некоем, наподобие пасеки окопанном, остановившись со всякой амуницией и инфантерией, оборонялась. Урон она нам тут причинила больший, нежели в решающей битве... и много других воинов, как выстрелами, так и бердышами поразили...»⁷³. Московские стрельцы и солдаты «нового строя», исчерпав средства к обороне, подвергаясь артиллерийскому обстрелу, выступили из засек и пошли на прорыв. Понеся большие потери, они сумели пробиться сквозь польские отряды и выйти к Полоцку, на соединение с конницей воеводы Хованского. Годом ранее, в битве при Конотопе, стойкость московских стрелецких приказов позволила воеводе Трубецкому свести результат сражения из стратегического поражения к тактическому⁷⁴.

Стойкость московских стрельцов во второй половине XVII в. воспринималась уже как некая непрременная отличительная черта этих подразделений. Факты бегства стрельцов с поля боя не прослеживаются ни во время Тринадцатилетней войны, ни во время восстания Степана Разина, ни во время русско-турецких войн. Возможно, подобная традиция – «стоять до последнего» – родилась на полях сражений Тринадцатилетней войны, когда основной ударной силой противника была кавалерия, будь то польские и литовские гусары или татарские огланы. Русская поместная конница, пусть и усиленная рейтарскими эскадронами нового строя, при-

⁶⁸ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: ГПИБ, 2004. С. 67.

⁶⁹ Файзов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру 1654–1658 гг. Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте постпереездовского времени. М.: Гуманитарий, 2003. С. 8.

⁷⁰ Романов М.Ю. Указ. соч. С. 65.

⁷¹ Там же.

⁷² Царь Алексей Михайлович. Сочинения // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 494.

⁷³ Записки Якуба Лоса. Пер. В. С. Селивановой, прим. А.А. Васильева // Армии и битвы. 2008. № 10. С. 15.

⁷⁴ Бабулин И. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. 350 лет Конотопской битвы. СПб., 2009. С. 112.

держивалась старинной степной тактики, при которой отступление серьезным грехом не считалось, поэтому в случае внезапного отхода конницы русская пехота должна была полагаться только на себя, никакой помощи ждать было неоткуда. Вражеская конница, способная догнать и изрубить беглецов, чужая, незнакомая местность, двойственное отношение местного населения, помимо присяги, религии и воспитания, являлись эффективными дисциплинирующими факторами. Стрелец, помышлявший о бегстве, понимал, что единственный способ выжить и победить – это держать строй, вести огонь и выполнять приказы командиров. Иначе беглеца почти неминуемо ждала смерть.

Судя по данным наказных памятей о выдаче хлеба и других продуктов увечным стрельцам, а также вдовам и матерям погибших стрельцов, такие меры социальной защиты предназначались только для тех, кто «крестного целования не позабыл», т. е. не бежал с поля боя или с похода, тем более не перешел на сторону противника⁷⁵. Ранение или даже гибель при неудачном исходе боя, смерть в походе, в обороне или при осаде были равно почетны, т. к. в этом случае стрелец погибал «за други своя», как истинный защитник царя и веры.

Стрельцы, бежавшие со службы вне зависимости от причины и пойманные, подвергались дисциплинарным взысканиям⁷⁶. В ходе подавления восстания Степана Разина в руки правительственного отряда попал ряд пленных, в т. ч. и бывший московский стрелец, примкнувший к восставшим. По сравнению с остальными бунтовщиками, которых повесили, стрелец понес более тяжкую и позорную кару: «Да на том бою взят Яковлева приказу Соловцова стрелец Ефремко Провоторхов и тово де стрельца велел он (князь Барятинский. – А.П.) расчелвертовать и на колье рассажать...»⁷⁷. Несомненно, факт нарушения присяги явился достаточно веским основанием для ужесточения приговора. В случае со стрельцом Провоторховым тяжесть приговора могла быть обусловлена еще и тем, что приказ Якова Соловцова был Стремянным, т. е. незадачливый дезертир служил в самой элитной части среди всего московского стрелецкого корпуса.

В случае капитуляции главного командования для московских стрельцов не считалось зазорным положить оружие. Крайне редко, но такие факты случались. Под Чудновым в 1660 г. при сдаче воеводы В. Шереметьева сдался и московский стрелецкий приказ И. Монастырева. Позднее голова Монастырев, как и те из стрельцов его приказа, которым повезло дожить до освобождения, были выкуплены из плена и продолжили службу. Стрельцы, вернувшиеся из плена, получали награду-компенсацию «за полонное терпение»: «...велети... дати турскому полоннику московскому стрельцу Митке Черникову за полонное терпение сукно доброе...»⁷⁸. Если в плену стрелец не изменял православию и попал в плен либо в бою, либо при аналогичных чудновским обстоятельствам, то, судя по данным источников, это не считалось изменой или преступлением.

в) Дисциплина, которая очень тесно соприкасается с главным требованием, «верностью присяге»: «...пятидесятником и десятником приказать накрепко, чтобы они никакого воровства не чинили, и над рядовыми стрельцы смотрели и от воровства их унимали... чтобы без отпуску никуда не уходили, а только учнут без отпуску куцы ходить, и которые у себя в слободе не ночуют и тем чинить наказанье, бить батоги и в тюрьму сажать...»⁷⁹. Под «воровством» в данном случае следует понимать «нарушение присяги, государственных законов и приказов командования». Распитие спиртных напитков, очевидно, грехом не считалось, коль скоро

⁷⁵ Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Российская Историческая Библиотека. СПб., 1907. Т. 21. С. 123.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 225. Л. 1.

⁷⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. С. 137–140.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 4224. Л. 2.

⁷⁹ Дополнения к Актам историческим. Т. 5. С. 79–82.

в стрелецкое «кормовое жалование» входил алкоголь – «вино хлебное»⁸⁰, но пьянство однозначно запрещалось. Также под строгим запретом находилось общение личного состава с проститутками, азартные игры, прежде всего, «зернь» – кости: «...чтоб стрелцы корчем и блядни не держали, и зерню не играли, и татем и разбойником и боярским беглым людем и московским беглым стрелцом приходу и приезду к ним не было...»⁸¹. Игра в карты, обычная для солдатского быта западной Европы и русской армии позднейших веков, в обиходе русской пехоты XVII в. не встречается, в отличие от «зерни» – игры в кости.

Взятие военной добычи по моральным нормам XVII в. мародерством и грабежом не считалось. Сбор добычи на полях сражений был традиционным для всех армий. Военный грабеж захватываемых территорий практиковался всеми военными в XVII столетии, московские стрелецкие приказы отнюдь не были исключением. Однако грабежи мирного населения, изъывившего покорность царю, преследовались: «...а которые люди мимо сего нашего указа учнут воевать, села и деревни жечь и людей побивать, и хлеб и лошадей и животину имать или иное какое насильство делать, и... тех людей... за то бить кнутом нещадно, а пущих воров за то воровство... повесить, чтобы на то смотря неповадно было иным воровать...»⁸². Стрельцам также предписывалось не нарушать нормы православной этики: «А которые будут стрельцы учнут держать у себя ведунов и ведуний... и тех стрельцов велети бить батоги и в тюрьму сажати на время, смотря по вине...»⁸³. Так, в 1674 г., в Киеве «февраля в 23 день, прислал в приказную избу голова московских стрельцов Иван Зубов, своево приказу стрельцов Куземку Лукьянова, Федку Григорьева, а с ними кофтян суконной голубой... а в письме, за ево Ивановою рукою Зубова, написано, извещал ему, Ивану, Михайлова приказу Уварова стрелец Стенка Григорьев, что ограбили в нижнем городе на торгу, в ночи, мещанина ево, Иванова приказу Зубова, стрелцы те, которых он прислал с поличным... И те стрелцы Куземка и Федка в приказной избе в роспросе, винясь, сказали: тому де пятой день, с товарищи своими, того ж приказу стрелцами, с Мишкою Колугою да с Оскою Синбирениным, они киевского мещанина грабежом платье, которое взято у них, сняли, другой кофтан суконной холодной да шапку суконную с соболем... и то поличное из приказной избы мещанину отдано; а стрелцом Куске Лукьянову, Федке Григорьеву учинено наказанье бить кнутом на козле и ботогом нещадно, и даны на поруки, чтоб им впредь никаким воровством не воровати...»⁸⁴

---

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 23. Л. 111.

⁸¹ Дополнения к Актам историческим. Т. 5. С. 79–82.

⁸² Там же. С. 60.

⁸³ Там же. С. 79–82.

⁸⁴ Малороссийские дела. Отписки 7182 года (1673–74) Киевскаго воеводы к. Ю.П. Трубецкаго с товарищи к Царю Алексею Михайловичу // Синбирский сборник, М., 1845. С. 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.